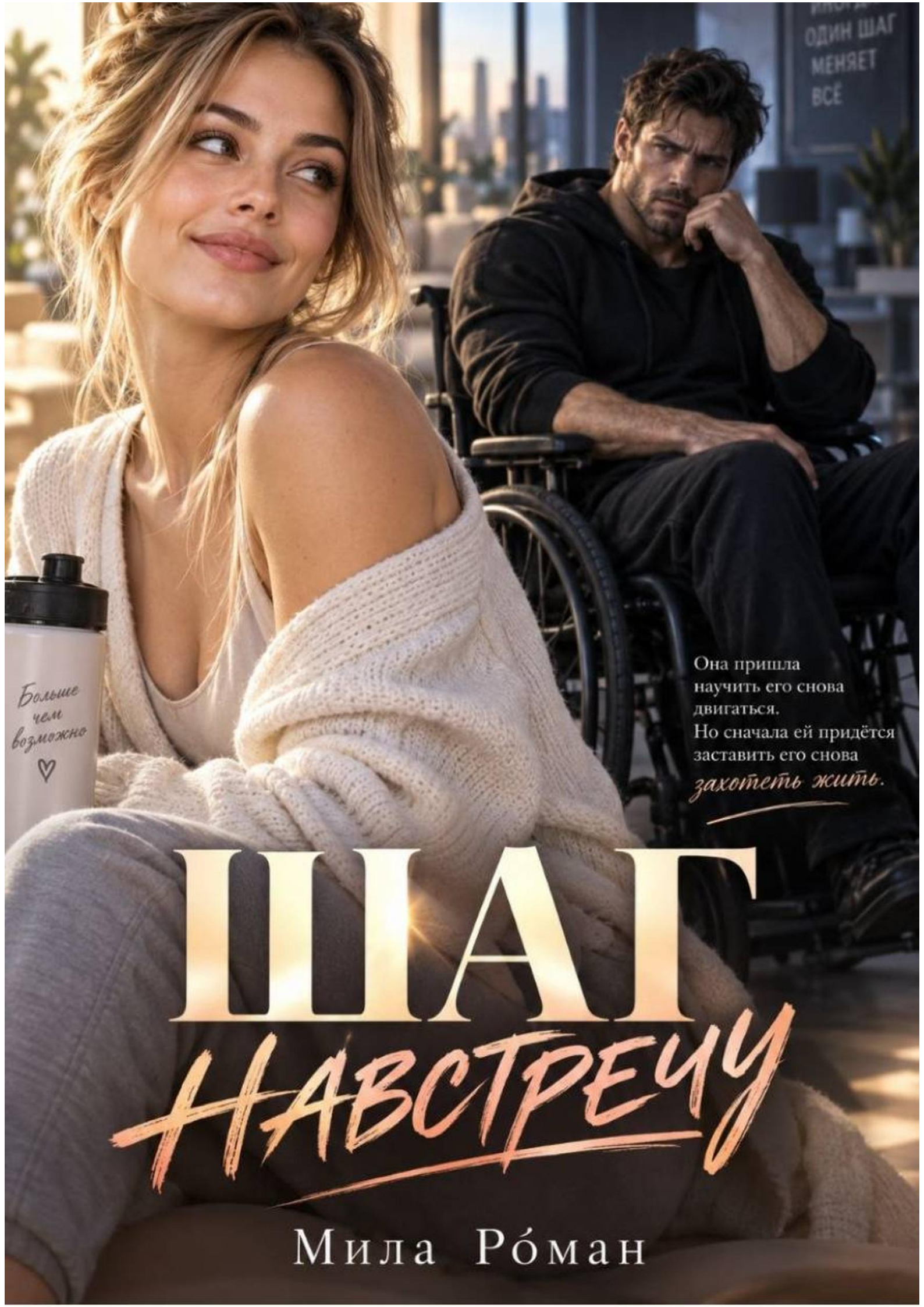

Она пришла
научить его снова
двигаться.
Но сначала ей придётся
заставить его снова
захотеть жить.

ШАГ НАВСТРЕЧУ

Мила Роман

Мила Роман

Шаг на встречу

«Автор»

2026

Роман М.

Шаг на встречу / М. Роман — «Автор», 2026

Максим умел покорять скорость — и был уверен, что скорость никогда не покорит его. Богатый наследник, успешный бизнесмен, любимец Москвы — он жил так, будто с ним ничего и никогда не может случиться. Пока однажды ночная трасса не расставила всё по местам. Авария оставила его без ног. Он уехал из Москвы, чтобы больше никогда никого не видеть. Купил дом на отшибе подмосковного городка и приготовился доживать — тихо, зло, в одиночестве. Не вышло. Хирург, друг покойного отца, силой навязал ему реабилитолога — и им оказалась не покладистая пожилая тётушка, а упрямая, дерзкая девушка, отказывающаяся признавать слово «невозможно». И она точно не из тех, кто уйдёт после первого грубого слова. Что между ними? Война? Или что-то большое, чистое и светлое? Роман о том, что настоящая сила — не в скорости и не в неуязвимости, а в умении подняться после падения. И в том, что рядом с правильным человеком возможно даже невозможное.

© Роман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мила Роман

Шаг на встречу

Глава 1

Москва встречала октябрь золотом на бульварах и тем особым, стеклянным холодом по утрам, который бодрит сильнее кофе. Максим Раевский любил этот город именно таким — быстрым, равнодушным, готовым дать всё, если ты не боишься брать.

А Максим не боялся никогда.

Ему было двадцать девять, и он давно перестал удивляться собственной удаче — принимал её как погоду, как данность, с которой не спорят. Отец, Дмитрий Аркадьевич Раевский, поднял строительный холдинг из руин девяностых, а потом, за три года до смерти, безропотно передал сыну не столько дело, сколько инстинкт: не ждать разрешения, брать самому. Максим этот инстинкт не растратил — развил. Открыл своё маркетинговое агентство, когда все вокруг говорили, что рынок перегрет, и через пять лет «Raevsky & Bykov» обслуживало половину крупных ритейлеров страны.

Партнёром был Егор — друг ещё со второго курса Плехановки, человек с идеальной улыбкой и способностью нравиться клиентам с первой минуты. Максим придумывал стратегии, Егор их продавал. Отличная связка, думал Максим. Годами думал.

Сегодня был четверг, и четверг означал одно: вечером — трасса.

— Ты серьёзно опять на этом своём звере? — Кристина сидела на подлокотнике дивана в его квартире на Патриарших, протянув свои красивые ноги на диван, и смотрела на него с той смесью восхищения и лёгкого упрёка, которая давно стала частью их отношений. — Максим, тебе двадцать девять, а не девятнадцать.

— Именно поэтому надо успеть, пока не тридцать, — он улыбнулся, застёгивая молнию на кожаной куртке. — Возраст — это же не про цифры, детка. Это про то, когда ты перестаёшь чувствовать скорость.

— Ты никогда не перестанешь. — Она закатила глаза, но улыбнулась, вставая и оправляя платье. — Просто вернись живым, ладно? У нас через две недели годовщина, я уже заказала столик в «Сахалине».

— Годовщина. — Он на секунду замер, посмотрел на неё — красивую, ухоженную, уверенную в себе женщину, с которой они встречались уже два года и всё чаще ловил себя на мысли, что пора сделать следующий шаг. Родители умерли, и некому было спросить «а ты уверен», но иногда ему казалось, что даже без вопроса ответ у него готов. — Я помню. Может, закажем заодно кольцо?

Кристина рассмеялась, но в глазах на секунду мелькнуло что-то настоящее, почти детское.

— Только если самое лучшее.

— У меня других вариантов не бывает, — он подмигнул и вышел, оставив её одну наслаждаться его предложением.

Мотоцикл ждал в подземном паркинге — чёрный «Дукати», единственная вещь, которую Максим действительно любил не за статус, а за ощущение, которое она дарила: чувство полной концентрации, когда весь мир сжимается до дороги перед тобой, и в это время не существует ни отца, которого больше нет, ни компании, ни отношений, ни вообще ничего, кроме скорости и собственного тела, идеально ей подчинённого.

Друзья звали его за эти вечера «безумцем», но Максим считал иначе. Безумец — это тот, кто не контролирует ситуацию. А он контролировал всегда. Знал каждый поворот трассы,

знал, когда можно выжать сто восемьдесят, а когда сбросить до ста. У него был инстинкт — тот самый, отцовский, — и этот инстинкт ни разу его не подвёл.

— Куда сегодня? — спросил по громкой связи Дима, его личный помощник, которому он перед выездом ставил задачи на завтра на утро. Дима за много лет уже давно стал не просто правой рукой, но другом, на которого всегда можно положиться.

— На Ленинградку.

— Максим Дмитриевич, я утром позвоню, чтобы убедиться, что все в порядке...

— Дим, — рассмеялся Максим, выезжая из паркинга в вечерний город, — расслабься. Со мной ничего никогда не случится. Проверено годами.

Он не знал тогда, что это последняя фраза, которую он произнесёт как прежний человек.

Трасса за городом была почти пустой — час поздний, будни, только редкие фуры тащились по правому ряду, мигая аварийками на неровностях. Максим прибавил газу, чувствуя, как холодный воздух режет лицо через щель забрала, как вибрация двигателя отдаётся в костях, как весь этот вечер — Кристина, годовщина, разговоры про кольцо, компания, договоры, всё то, чем была набита его жизнь, — растворяется, оставляя только дорогу, ночь и стремительное, пьянящее чувство, что он бессмертен.

Спидометр показывал сто шестьдесят, когда впереди из бокового съезда, вопреки всем правилам, начала выруливать легковушка — водитель явно не заметил мотоцикл в темноте, или заметил слишком поздно, или просто был пьян, что бы это ни было, — не имело уже значения.

Максим среагировал мгновенно, как реагировал всегда. Резкое торможение, попытка уйти влево, в свободную полосу.

Но в этот единственный раз мир не подчинился его инстинкту.

Заднее колесо занесло на влажном асфальте. Мотоцикл вышел из-под контроля быстрее, чем сознание успело это осознать — Максим почувствовал, как его отрывает от седла, как он летит, кувыркаясь, теряя ориентацию в пространстве, а потом раздался звук, который он запомнит — если запомнит вообще что-либо — как последний звук своей прежней жизни: глухой, страшный удар о бетонное ограждение разделительной полосы.

А потом — темнота.

Абсолютная, ничем не нарушаемая темнота, в которой не было ни скорости, ни адреналина, ни уверенности в собственной неуязвимости — ничего из того, чем был соткан Максим Раевский до этой секунды.

Глава 2

Дима не спал в ту ночь — не смог, хотя обещал себе лечь пораньше. Что-то тревожило его с того самого момента, как Максим Дмитриевич отключился на громкой связи, что-то в голосе шефа, слишком лёгком, слишком беззаботном для человека, который последние месяцы явно нёс в себе больше напряжения, чем показывал.

В два часа ночи телефон Димы разразился звонком с незнакомого номера. Он ответил сонным голосом и через десять секунд уже не спал вовсе.

— Это ГИБДД, Ленинградское шоссе, участок трассы М-10. У нас есть пострадавший, документы на имя Раевского Максима Дмитриевича, в телефоне последний набранный номер — ваш.

Дальше был вихрь — звонок Игорю Петровичу Шварёву, врачу, лучшему хирургу, который когда-то был другом семьи Раевских; гонка на такси через ночную Москву; приёмный покой института Склифосовского, залитый безжалостным белым светом; и врач, вышедший через сорок минут с лицом человека, который вынужден произносить слова, которые не хочет произносить никто.

— Множественные переломы, — сказал он тихо. — Серьёзная черепно-мозговая травма. Мы вводим в искусственную кому, чтобы снизить нагрузку на мозг. Дальше будет ясно.

— А позвоночник? — раздался голос сзади — Игорь Петрович успел приехать, несмотря на глубокую ночь, несмотря на то, что давно не оперировал сам, предпочитая консультировать. Он стоял, ещё не сняв пальто, с лицом человека, который тридцать лет назад держал на руках новорождённого Максима, потому что был лучшим другом его отца.

Врач помолчал.

— Компрессионный перелом на уровне Th12–L1. Пока рано говорить о прогнозе. Нужна операция, и как можно скорее.

— Я оперирую, — сказал Игорь Петрович. Это не было вопросом.

Операция шла семь часов.

Дима сидел в коридоре, глядя на дверь операционной, и думал о всех тех разгах, когда предупреждал шефа насчёт мотоцикла, и о том, каким глупым и мелочным казалось теперь это беспокойство по сравнению с тем, что происходило за этой дверью.

Он позвонил Кристине в четыре утра. Она не сразу поняла, о чём речь, а когда поняла — разрыдалась так искренне, так громко, что Дима на мгновение устыдился своих будущих сомнений в её чувствах. Она примчалась в больницу к шести, в наспех накинута пальто поверх пижамы, и сидела рядом с Димой два дня, пока Максим оставался в коме, держа его руку, если это можно было назвать «его рукой» — раздутой от капельниц, в гипсе до локтя.

— Он поправится, — повторяла она, как заклинание. — Максим не может не поправиться. Он же... он же непобедимый.

Дима молчал. Он видел заключение хирурга и знал то, чего Кристина знать пока не хотела.

Максим пробыл в коме одиннадцать дней.

Он не помнил самого пробуждения — только смутные обрывки: голоса, доносящиеся будто сквозь толщу воды, чей-то плач (кажется, Кристины), запах больницы, который он ненавидел ещё с детства, когда навещал в стационаре умирающую бабушку. А потом, постепенно, обрывки сложились в связную картину — белый потолок, капельница, боль, которую не могли до конца заглушить даже сильнейшие препараты, и лицо Игоря Петровича, склонившееся над ним с тем особенным, тяжёлым выражением, которое бывает у врачей, готовящихся сказать пациенту правду.

— Максим. Ты меня слышишь?

Голос вышел хриплым, чужим:

— Игорь Петрович... Что... что случилось?

— Авария на трассе. Ты помнишь?

Обрывки вернулись — свет фар легковушки, занос, удар о бетон. Максим невольно попытался пошевелиться, инстинктивно, как делает тело, проверяя себя после сна, — и не почувствовал ничего. Совсем ничего, от груди и ниже.

Паника поднялась настолько резко, что мониторы вокруг тревожно запищали.

— Я не могу... — прохрипел он, широко раскрыв глаза. — Игорь Петрович, я не чувствую ног. Я не чувствую вообще ничего!

Шварёв взял его за руку — ту, что ещё чувствовала прикосновения, — и сжал крепко, не отпуская взгляда.

— Максим, послушай меня. Ты жив. Это чудо, что ты жив после такого удара, слышишь меня? Чудо.

— К чёрту чудо! Что с моими ногами?!

Игорь Петрович помолчал секунду — ту самую секунду, которая для Максима растянулась в вечность, — и произнёс слова, которые перевернут всю его дальнейшую жизнь:

— Перелом позвоночника, Максим. Th12, если тебе это что-то говорит. Я сделал операцию, стабилизировал позвонки, но спинной мозг повреждён. Серьёзно повреждён.

— И что это значит? — голос упал до шёпота.

— Это значит, что тебе предстоит долгая борьба. Но я обязан сказать тебе правду сейчас, потому что ты имеешь на неё право: вероятность того, что ты снова сможешь ходить самостоятельно, крайне мала. Крайне.

В палате повисла тишина — та самая, абсолютная тишина, которую Максим уже слышал однажды, в ту секунду, когда мотоцикл врезался в ограждение. Только теперь она не заканчивалась пробуждением к прежней жизни.

Она была новой жизнью — тихой, неподвижной, ужасающе реальной.

— Уйдите, — сказал Максим тихо, глядя в потолок. — Пожалуйста. Все уйдите.

Игорь Петрович кивнул медсёстрам, и они одна за другой покинули палату. Только он сам ещё на секунду задержался у двери.

— Я знал твоего отца тридцать лет, Максим. Он бы гордился тобой в любом состоянии. Ты справишься. Не сегодня, может быть, не завтра. Но справишься.

Дверь закрылась. Максим Раевский остался один — впервые в жизни по-настоящему один, — и заплакал так, как не плакал с детства

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.